

ЗАРИН АНДЗОР - ПИСАТЕЛЬ

А.С. ГЕРАСИМОВА

Кандидат филологических наук

МРАЧНОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

Зарин Андзор - известный афганский прозаик, литературовед и литературный критик, пишущий на пушту. Его становление как писателя происходило в пору больших социально-политических потрясений в Афганистане, и это наложило заметный отпечаток на характер его творчества.

Родился З.Андзор в 1956 г. в селе Гардигавас Нангархарской провинции в образованной семье. В родном селении получил начальное образование, продолжив его в Нангархарском лицее Аджмал-хана. Затем он поступил в Кабульский университет и в 1977 г. успешно окончил отделение журналистики факультета литературы и гуманитарных наук.

В 1978 г. в стране произошла Апрельская революция (теперь называемая переворотом), к власти пришла Народно-демократическая партия, и Афганистан был объявлен Демократической Республикой. В стране началась гражданская война, которая не прекращается и по сей день.

Тем не менее, молодой журналист, владеющий английским языком, нашел свое место в культурной жизни Афганистана, работая на радио, телевидении, сотрудничая с периодической печатью. В созданном в 1980 г. Союзе писателей Афганистана З.Андзор стал руководителем секции литературной критики. Наряду с организационной и исследовательской работой он занимался и литературным творчеством, заняв заметное место в ряду афганских новеллистов. На родине он опубликовал два сборника рассказов: «Это головы, это рисунки» (1987) и «Кривые улочки» (1988).

В 1989 г. З.Андзор уехал в Пешавар (Пакистан), где в качестве члена Союза писателей свободного Афганистана (Writers Union of Free Afghanistan) участвовал в издании одноименного еженедельника. В 1990 г. в Пешаваре он издал сборник рассказов «Тьма». В 1994 г. в Лахоре вышел в свет еще один сборник его рассказов «Страницы жизни нашего села».

В том же 1994 г. писатель с семьей приехал в Москву. Здесь на его долю выпало немало трудностей: суровый климат, болезни детей, безденежье, бытовые неурядицы, а главное - невозможность найти работу, соответствующую его образованию и профессии. Несмотря на все трудности, З.Андзору в Москве удалось опубликовать отдельной книжечкой аллегорическую притчу «Дракон и дервиш», в которой автор призывал свой народ к единению. Если люди не объединятся, не забудут свои распри, они неминуемо погибнут в страшной пасти чудовища, под которым писатель, скорее все-

го, подразумевал иностранное порабощение. В Москве З.Андзор прожил недолго, около двух лет, и уехал с семьей в Германию. В настоящее время живет в Кельне, занимается литературным творчеством.

Мировосприятие писателя формировалось в тяжелое для его родины время. Гражданская война, присутствие иностранных войск, напряженная общественная атмосфера, отсутствие ясной перспективы - все это породило драматическое, подчас трагическое восприятие мира такой творческой личностью, как З.Андзор. Большинство его новелл повествует о тяжелых, горестных событиях и изобилует натуралистическими, жестокими и кровавыми деталями. Даже обращаясь к далекому прошлому и воспевая героизм своего народа, писатель выбирает страшные кровавые краски: отрезанные головы в окровавленных мешках, сваленные в огромную кучу («Живы такие страницы!»); дракон с огромной пастью, пожирающий людей («Дракон и дервиш»); люди, поднимающиеся на крышу дворца, где находят таинственную смерть («Дворец»); кровавое убийство как месть за гибель невинных родственников («Комната № 1357»); рассказ о нелегкой судьбе афганского профессора-эмигранта также завершается смертью героя, хотя и не насильственной («Будто Гималайские горы»).

Гендерные проблемы, ставшие сегодня объектом пристального внимания многих ученых-социологов, обществоведов и писателей, нашли свое место и в творчестве З.Андзора. И разрешает он их в своих произведениях самым жестоким образом, согласно традициям афганского народа. Например, в рассказе «Страницы жизни нашего села» молодой муж, заподозрив жену в прелюбодеянии, возвращает ее в родительский дом. По обычаям, царящим в деревне, мужчины семьи героини должны ее убить. Но женщина не виновна, семья ей верит, и никто не может исполнить то, что предписано обычаем. Девушка, видя, как мучаются ее отец и братья, не в силах выполнить требование односельчан, сама убивает себя из старинной винтовки отца.

Предлагаемый читателю рассказ интересен тем, что в нем показано различие между афганским и европейским менталитетом, и в частности касающееся отношений между полами. В Афганистане женщина, лишь заподозренная в неверности, по обычаю карается смертью. На Западе (место действия в рассказе - Франция) женщина, неоднократно меняющая мужей и сохраняющая при этом с ними дружеские отношения, - явление достаточно распространенное, ни у кого не вызывающее вопросов.

ГУЛВЭНА НА БЕРЕГУ РЕКИ

РАССКАЗ

ЗАРИН АНДЗОР (Афганистан)

Только он и его жена были афганцами среди собравшихся на свадебный праздник гостей. Некоторых из участников вечеринки он знал уже давно и все же чувствовал себя каким-то чужим. Он не ощутил

здесь атмосферы раскрепощенности и сердечности, которая могла бы объединить собравшихся вместе незнакомых людей.

Вот уже пятнадцать лет как д-р Ахмади покинул родину и поселился во

Франции. Внешне он выглядел спокойным и уравновешенным, но чувствовалось, что его угнетает какое-то душевное бремя, что-то гложет его изнутри. Сам он очень хорошо разбирался в подобного рода состояниях, по-

сколько был специалистом по нервным и душевным заболеваниям. Он старался избегать всякого рода волнений и потрясений, однако это нередко оказывалось выше его сил.

Той ночью д-ра Ахмади опять посетили какие-то странные видения. Свадебный стол изобилдовал напитками, а до некоторых из них он был большим охотником. В таких ситуациях он часто погружался в себя. Так случилось и на этот раз. Он будто совершенно выпал из атмосферы праздничной суеты, улетев в далекое прошлое, в свое родное село.

В воображении Хайат-хана возник образ Гулвэны*, она завладела его сердцем. Как было бы хорошо, если бы сегодня вечером она снова пришла за водой на берег реки! Он улучил бы подходящий момент, который успокоил бы его сердце. Прежде так уже случалось несколько раз. Он издали узнавал Гулвэну среди идущих к реке за водой девушек. Гулвэна шла, немного приотстав, она знала, что он поджидает ее.

Гулвэна снова выбрала для похода по воду время ближе к вечеру, когда по дороге к реке никто не ходил, и в сердце Хайат-хана расцвел прекрасный сад.

Всякий раз, наполнив кувшин, она быстро сворачивала с дороги и шла в сторону Хайат-хана, заметив его издали на назначенном месте на краю кукурузного поля. Сняв с головы кувшин, Гулвэна ставила его на землю у дороги, и оба они, крадучись, устремлялись вперед, в глубь кукурузного поля. Там они уже были поглощены только друг другом. Торопливо, опасаясь, чтобы никто их не увидел, они раскрывались друг перед другом. А когда он Гулвэну отпускал, она снова ставила свой кувшин на голову и очень осторожно, прячась, выходила на дорогу. Она внимательно осматривалась и, удостоверившись, что рядом никого нет, быстрым шагом отправлялась в обратный путь. Хайат-хан все еще сидел в поле на том же месте. Когда, по его расчетам, Гулвэна должна была быть уже дома, все еще в волнении он выходил из укрытия и присоединялся к вечерней гулянке деревенских парней.

Такой счастливый шанс выпадал один раз в несколько месяцев, зато потом в его сердце еще долго цвел сад.

Гулвэна была дочерью деревенского плотника Гулвали. Хотя ее нельзя было назвать безупречно красивой, в селе ее числили среди красавиц. Ее черные лукавые глаза сводили с ума

* Гулвэна - женское имя, в переводе означает «Цветочек».

не одного Хайат-хана. Много и других парней грезил о ней ночами, ворочаясь с боку на бок и мучаясь бессонницей. Никто в деревне не слышал, что Гулвэна с кем-либо помолвлена. Когда среди парней заходил разговор о девушках и кто-нибудь вспоминал о Гулвэне, присутствующие умолкали, а некоторых парней невольно охватывало вожделение.

Сегодня сердце Хайат-хана не преодолимо тянулось к Гулвэне. Вечером он бродил по полю у дороги, ведущей к реке, то прячась, то открыто. Порой он брался за какое-либо дело: то собирал кукурузу, то косил траву. Прошло немало времени, прежде чем он увидел Гулвэну в стайке девушек. Отличить ее от других было трудно: все были закутаны в большие черные покрывала. Хайат-хан узнавал Гулвэну по ее кувшину, к тому же она обычно чуть отставала от группки девушек. Он показывался ей, и казалось, она принимала его приглашение. Сердце Хайат-хана начинало биться с удвоенной силой. Всякий раз, когда он видел Гулвэну, его сердце билось так громко, что не могло не пробудить и ее сердца, и это биение сердце длилось долго.

Хайат-хан на этот раз, не обнаруживая себя, бродил у края кукурузного поля. Порой поднимал голову и наблюдал за дорогой. Издали увидел черное покрывало, которое одиноко двигалось к месту, где набирают воду. Он всмотрелся пристальнее; это был кувшин Гулвэны, и Хайат-хан успокоился. Теперь он почувствовал уверенность и издали следил за дорогой, по которой она должна была вернуться с полным кувшином. Уже сгустились вечерние сумерки. Девушка возвращалась. Хайат-хан так обрадовался, что сердце его забилося еще сильнее, так, будто оно топало в ботинках. Она подошла к их месту на дороге. Хайат-хан осмотрелся кругом. К счастью, никого вокруг не было, и он успокоился. Издали он показался ей и даже махнул рукой. Потом тихо, будто разговаривал с самим собой, сказал: «Иди сюда, я здесь».

Но она очень быстро миновала как раз этот край кукурузного поля. Хайат-хан удивился: раньше она никогда так не делала. Он расстроился, но подбежал к ней, схватил за руку. Кувшин ее покачнулся, и их обоих окатило водой. Но кувшин с головы не упал, и она продолжала двигаться дальше.

- Куда же ты?

Он приоткрыл покрывало и увидел красное, искаженное злобой лицо:

- А, это ты?... Чтoб ты сдох, Хайат... Соперника себе ищешь, что ли?

Хайат-хан окаменел на месте, словно громом пораженный:

- О Боже! Это не Гулвэна! Ты вместе сестры! Я не тебя ждал...

Она разозлилась еще больше:

- Ты еще увидишь... Ты увидишь... Отпусти мою руку сейчас же.

Она торопливо ушла, а Хайат-хан застыл на месте, стоял на большой дороге, будто из него выпустили воздух. После ее ухода он еще раз осмотрелся, тихо кругом. Будто чей-то голос позади него произнес:

- Никто не видел, никому не скажешь...

- Ради Бога! Я же не тебя ждал, я ждал Гулвэну...

Жена Ахмад-хана вошла в дом. Воды в кувшине почти не было, а голова ее горела огнем. Она была потрясена. Всю ее сжигал огонь. «Что случилось? Почему?» Поставила кувшин. Ахмад-хана дома не было, только свекровь да спящий годовалый ребенок. В этот раз она поздно пошла за водой, потому что долго не могла успокоить ребенка, он плакал, потом устал от плача и уснул.

Жена Ахмад-хана места себе не находила. За что бы ни бралась, ничего не получалось, все валялось из рук. Не знала, как ей быть. Сама себе говорила: «Разве такое дело утаишь? Скажи Ахмад-хану. Разве это можно скрыть? В конце концов, Ахмад-хан твой муж, и от него ты будешь хранить это в тайне? А если сказать, что будет?»

Сегодня вечером Ахмад-хан вернулся домой чуть позднее, чем обычно. Довольный и веселый, как всегда: пошутил с матерью, рассказал жене пару забавных историй, с удовольствием поужинал, выпил чаю. Но поведение жены показалось ему каким-то странным.

Ночью Ахмад-хан позвал ее к себе:

- Помассируй мне ноги немножко, устал сегодня очень.

Услышав это, она поняла, что не только массаж ног ему нужен. Она поднялась с постели, принялась за массаж, но мысли ее вертелись вокруг события раннего вечера.

Ахмад-хан голосом, полным нежности, сказал ей:

- Что-то ты сегодня задумчивая, Мино!

У нее задрожали губы:

- Да так... Ничего...

Заплакал ребенок, поднялась с кровати. Супружеские кровати стояли рядом. Она села, повернулась спиной к мужу, подняла подол, завернула в него ребенка. Он зачмокал, получив грудь, а она погрузилась в раздумья.

Мысли в ее голове сменяли одна другую...

- А если мне забыть все это?... Никто меня не видел. Ладно, ведь ничего же не случилось... Но мой муж... И зачем тот ублюдок так сделал? Пусть Гулвэна достается ему. А я так и буду молчать? Как я скрою от Ахмад-хана такое серьезное дело? Зачем?

Ребенок уснул у нее на руках, не отпуская груди. Ахмад-хан окликнул: «Ты не спишь?» Мино будто не слышала. Ахмад-хан поднял голову: «Мунаввар еще не спит?»

Жена и на этот раз ничего не сказала. Молча поднялась, пересела на кровать мужа и так же молча принялась за массаж. Немного погодя Ахмад-хан сказал ей:

- Да скажи что-нибудь. Сегодня ты совсем онемела.

Она ответила так, будто он с нею и не разговаривал: «А что сказать-то?»

Ахмад-хан так и не понял, то ли она на его вопрос ответила, то ли сама что-то спросила. Не повернув головы, он приподнялся, обвинил рукой ее стан и уложил рядом с собой. Крепко обнял ее, поцеловал, и целовал снова и снова, потом его рука скользнула вниз. Прижался к ней еще теснее, поцеловал и тихо сказал: «Тебе нездоровится, Мино?»

Жена все еще была во власти своих мыслей. Она не собиралась ложиться с Ахмад-ханом. Только его вопрос вернул ее к действительности, и она с трудом пошевелила губами: «Нет... Но сегодня...»

Больше она была не в силах скрывать: «Сегодня странное дело случилось...»

Сначала эти слова Ахмад-хан посчитал ничего не значащими: «Что случилось? Что опять произошло?»

Губы у нее задрожали: «Сегодня...» Она вся вспыхнула: «Сегодня, когда я возвращалась с реки...»

Ахмад-хана бросило в жар, он встал с кровати. Какое-то время его жена сидела, не произнося ни слова. Ахмад-хан лег обратно в постель. Мир вокруг него запылал жарким огнем. Он метался на своей кровати: то встанет, то ляжет, наконец, улегся. Мино вернулась на свою кровать. Между ними воцарилось молчание. Всю ночь оба не сомкнули глаз. Ахмад-хан бродил, не находя себе места. В голове его теснились разные странные мысли. Он кипел от злости, а в его груди пылал костер. А с плеч Мино будто огромная тяжесть упала. Она немного успокоилась, но была печальна. Не знала еще, что будет, как будет?

Рано утром Ахмад-хан взял саблю, вышел из дома и до вечера пробыл в лесу рядом с деревней. Весь день он размышлял о происшествии с покрывалом. Зачем Хайат-хан так поступил? Может, правда, ждал Гулвэну, а может,

захотел прикоснуться к моей жене. Может, хотел моего позора? Но между нами не было ничего плохого. Тогда почему все так случилось? Почему он так поступил?

Ахмад-хан не находил себе места от злости, что-то бормотал себе под нос. Он посмотрел на лежащую рядом с ним саблю, поднялся с места и в вечерних сумерках отправился в деревню, спрятав свою саблю под цадэр*.

Впервые он отправился в тот конец деревни, где вероятнее всего по вечерам собиралась молодежь. Они веселились, играли, шутили. Гулянка эта была не близко. Ахмад-хан издали увидел Хайат-хана, сидевшего в плотной группке молодежи. Когда Ахмад-хан понял, что компания собирается расходиться, он отправился той же дорогой, по которой Хайат-хан возвращался домой. Он шел чуть позади Хайат-хана, крепко завернувшись в цадэр. Когда же они завернули за угол дома Хайат-хана, Ахмад-хан издали крикнул: «Стой, Хайат-хан!»

Хайат-хан остановился, как вкопанный, медленно оглянулся, увидел, что за ним идет Ахмад-хан, и очень удивился. Ахмад-хан ускорил шаг, и вот уже Хайат-хан оказался распростертым на земле, а Ахмад-хан крикнул: «Подлец! Бесстыжий!..»

Хайат-хан ничего не ответил, он еще не понимал намерений Ахмад-хана. А тот бросил быстрый взгляд вокруг, никого не было. Хайат-хан увидел, как его противника охватил гнев, и взмолился: «Я ничего не сделал!.. Я ничего...»

И прежде чем Хайат-хан что-то сообразил, Ахмад-хан подбежал к нему, выхватил саблю, взмахнул ею, и Хайат-хан оказался без правой руки. Раненый страшно закричал и побежал. Ахмад-хан бросился за ним, схватил и стал непрерывно наносить удары саблей. К тому времени, как собрался народ, Хайат-хан уже испустил дух, а Ахмад-хан собрался бежать. Теперь он уже не прятал свою саблю, с которой капала кровь, а прямо отправился к себе домой. Когда вошел в дверь, его мать и жена были потрясены, они закричали, заплакал и маленький сын. Ахмад-хан крикнул жене: «Иди сюда!»

Мать его стояла с внуком на руках, затаив дыхание. Мино тоже не двинулась с места. Ахмад-хан подбежал к ней и ударом сабли заставил подняться. Этот удар ранил и опрокинул Мино. Как раненая газель, она бросилась из комнаты и заперла за собой дверь.

* Цадэр - большое шерстяное покрывало, набрасываемое на плечи наподобие плаща.

- Открой дверь! - гремел Ахмад-хан. - Я тебя в живых не оставлю.

В ответ слышались лишь вопли жены, крики матери и плач маленького сына.

- Что мне делать? Я же ни в чем не виновата.

Ахмад-хан несколько раз пнул дверь ногой.

- Вернись, не отступлюсь... Для тебя нет больше жизни...

Под вопли и крики Мино Ахмад-хан сломал дверь и стал размахивать саблей. Мино же кричала одно: «Мунаввар... Мунаввар... Что с ним будет? Мунаввар... Ради Бога! Мунаввар...» И со звуком этого имени все стихло.

* * *

Д-ру Ахмади показалось, будто всё это происходило сейчас. Послышался шум, он вздрогнул, пошевелился, чем удивил сидящих рядом людей. Жена положила руку ему на плечо: «Ты в порядке? Ты же не так много выпил, что с тобой?»

Он страшно изменился в лице, глаза налились кровью, будто он не на свадебной вечеринке сидел. Перед его глазами встали картины прошлого. «Я тебя спрашиваю, - снова сказала жена, - что с тобой?» Д-р Ахмади коротко ответил: «Да так... Ничего...»

Сегодня была свадьба Катрин, одной из его сотрудниц. Они работали в одной клинике. У Катрин это был уже третий брак. Она была совсем немолода, но красота и постоянная улыбка делали ее значительно моложе своего возраста. На этот раз она сочеталась браком с каким-то богачом.

Вдруг все обратились в одну сторону. Кто-то встал с бокалом в руке, чтобы поздравить Катрин и ее нового мужа. Это был первый муж Катрин, который был также другом ее второго мужа. Оба ее прежних мужа были приглашены на свадьбу. Ален своим низким и глубоким голосом поздравил Катрин. Он сказал, что счастлив, поскольку Катрин нашла наконец свою судьбу. Катрин тоже радовалась, что Ален начинает совместную жизнь с какой-то женщиной. Катрин - счастливая женщина, с таким характером...

Д-р Ахмади больше не слышал его слов. Ему показалось, что все слышат звуки прежних лет: удары Ахмад-хана и вопли Мино: «Мунаввар... Что с ним будет?... Ради Бога... Ради Мунаввара... Мунаввар...»

И д-р Ахмади Мунаввар встал со своего места и стремительно вышел из отеля.

Германия. 21.01.1996.

Перевела с пушту
А. ГЕРАСИМОВА